

Об особой пристрастности грузинского народа к литературе, искусству я слышал и раньше, немало читал об этом. Чуть ли не ежегодно бывал в Грузии, но знакомство с ней ограничивалось пансионатами Пицунды, солнечными пляжами Гагры, голубым зеркалом озера Рица. И вот, наконец, повезло. Поезд мчит-ся вдоль берега пенистой Ктуры, к легендарному Тбилиси.

Эту неспокойную, бурную реку я некогда вспомнил, находясь в театре имени Русавели, где тогда шел спектакль по пьесе В. Шекспира «Ричард III». Со сцены звучала напевная темпераментная грузинская речь. Игра актеров была настолько своеобразна и захватывающая, настолько насыщена мимикой, жестами, что слов, пожалуй, и не требовалось. И прежде всего поражала высокая эмоциональность, экспрессия актерского действия. Нет, на сцене были не чопорные, рассудочные англичане, а именно грузины, у которых не было какого-то «водораздела» между чувством и его выражением. Чувство и слово как бы составляли единый горячий сплав.

И это было тем более заметно, что спектакль решался не в традиционной манере, а в духе предельной условности, во многом напоминающей театр Брехта. В самом деле, один из действующих лиц ходил в наполеоновской треуголке, хотя Бонапарт жил на несколько столетий позднее. Это как бы подпадало самозащитцев всех веков к одному знаменателю... В пьесе, как известно, много смертей. Но они не воспроизводились в спектакле натуралистически. Роль смерти исполняла весьма симпатичная артистка, вся в белом. Она брала за руки предначиненных ей героев и уводила их со сцены.

На берегах К у р ы

Зал напряженно молчал. Время от времени я вглядывался в лица сидящих вокруг, стараясь догадаться, какова их реакция на такое необычное представление. Но в полумраке нелегко прочесть, что написано на лицах. И только когда спектакль закончился, я понял силу контакта зрителей и сцены. Буквально все как один встали. И словно заплескалась, заклокотала, забурлила Кура в узком ущелье. Тесно ей, вольнолюбивой, вот она и рвется на свободу. Хлопали все, радостно и яростно. Восторг прорывался в выкриках.

— Ревazi! Ревazi!

Быстрыми шагами выходил вперед Реваз Чиквадзе, исполнитель главной роли—роль Ричарда III, прикладывал руку к сердцу, низко кланялся. Внешне лицо его казалось невозмутимым, но сверкающие глаза выдавали торжество победы.

На этом спектакле я не видел режиссера Роберта Стуруа. Мы встретились позднее. Мы — это журналисты ряда областей. Главный режиссер театра имени Руставели Роберт Стуруа говорил о своих взглядах на театральное искусство, о своем родном коллективе. Давно мне не приходилось встречаться с такой широтой, смелостью суждений. Стуруа с болью в голосе сетовал на то, что многие театры, как близнецы, похожи друг на друга. Спектакли по режиссерскому решению, по актерской игре

также являются как бы копиями. А ведь у каждого режиссера должно быть свое творческое лицо, свой почерк. Каждый спектакль как художественное произведение должен быть неповторим... К сожалению, появилась приверженность к одной, определенной системе, и даже небольшое отступление от нее некоторые критики объявляют «ересью». Перефразируя слова В. Маяковского, пора бросить лозунг: «Больше театров хороших и разных...».

Стуруа рассказал, как театр имени Руставели стремится обрести свое творческое лицо, о постановках «Кавказского мелового круга» Б. Брехта и «Ричарда III» В. Шекспира. Говорил о гастролях в Лондоне с этим шекспировским спектаклем. Английская публика была поражена новаторским толкованием пьесы. Пресса пестрела восторженными отзывами.

Режиссер говорил о том, что небывалый расцвет грузинской культуры, в частности театральной, стал возможен лишь в условиях социализма, в творческом содружестве с великим русским народом...

Много театров в Тбилиси. Наиболее известные из них — имени Палиашвили, имени Руставели, имени Марджанишвили, имени Грибоедова, молодежный театр драмы... И всюду на спектаклях царит праздничная, приподнятая обстановка. Всюду плещутся волны восторга и признательности.

П. ШЕРЫШЕВ.

ПРИЗЫВ
Г. ВЛАДИМИР

24 ИЮН 1983